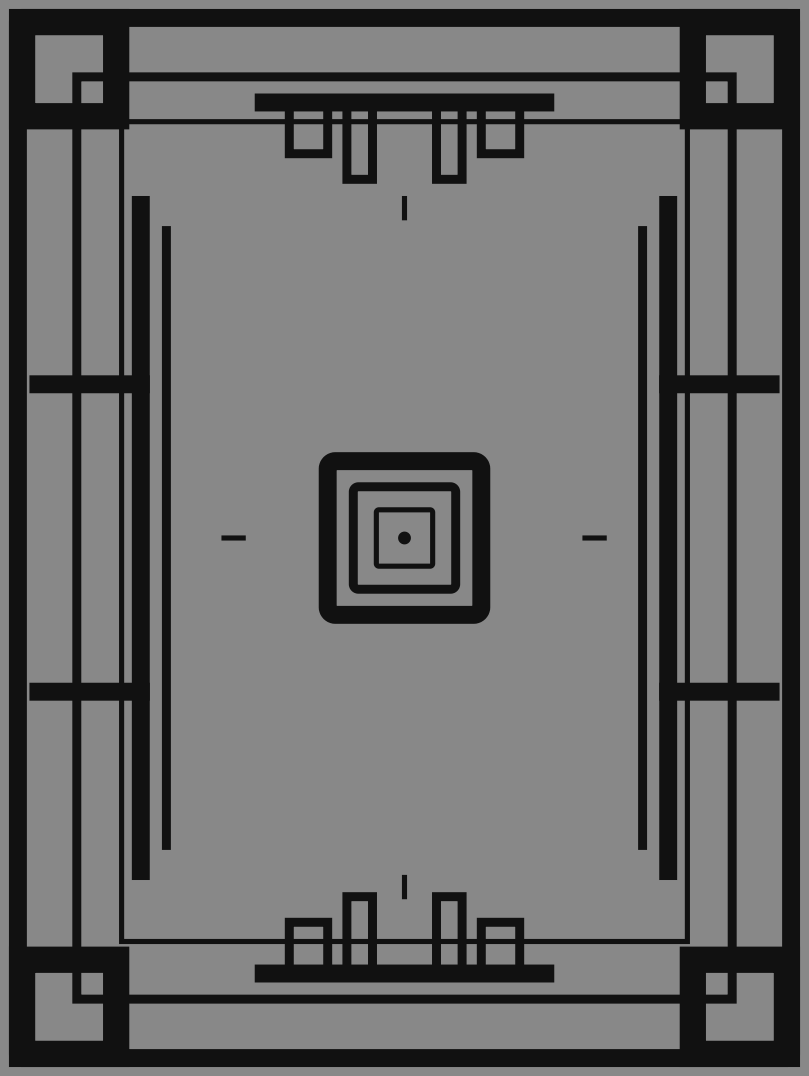

Меч в камне (дополнительные главы)

Теренс Хэнбери Уайт

Теренс Хэнбери Уайт. МЕЧ В КАМНЕ. (дополнительные главы)
(продолжение 6-й главы из первого варианта книги)
Глава 13 из первого варианта «Меча в камне»
Глава 19 из первого варианта «Меча в камне»

Теренс Хэнбери Уайт
МЕЧ В КАМНЕ
(дополнительные главы)

(продолжение 6-й главы из первого варианта книги)

……

— Это была ведьма, — сказал Кэй.

— А по мне хоть десять, — ответил Варт. — Я хочу получить обратно мою стрелу.

— Так она же в лес улетела.

— Я пойду за ней.

— Тогда иди один, — сказал Кэй. — Я из-за какой-то паршивой стрелы в Дикий Лес не полезу.

— Пойду один.

— Ну ладно, — сдался Кэй. — Видно, придется и мне с тобой идти, раз уж ты так уперся. На что хочешь поспорить готов, сцапает нас там Вот.

— Пусть себе цапает, — сказал Варт. — Мне нужна моя стрела.

И они вошли в лес в том месте, где последний раз мелькнула мерзкая птица.

Меньше чем через пять минут перед ними открылась прогалина с колодцем и домиком, совсем такими, как у Мерлина.

— Господи, — сказал Кэй, — я и не знал, что так близко от нас есть жилье. Слушай, пошли

отсюда.

— Погоди, дай оглядеться, — сказал Варт. — Здесь, наверное, какой-нибудь колдун живет.

К садовой калитке у домика была привинчена медная табличка. На ней значилось:

Мадам Мим, Бакалавр гуманитарных наук (Дом-Даниэль)

ФОРТЕПИАНО

ВЫШИВАНИЕ

НЕКРОМАНТИЯ

Разносчикам, рекламным агентам и налоговым инспекторам вход воспрещен.

Осторожно, злой дракон.

На окнах домика висели тюлевые занавески. Они едва приметно колыхались, ибо за ними пряталась, подглядывая, некая дама. Черная ворона сидела на трубе.

— Пошли отсюда, — повторил Кэй. — Да пошли же. Точно тебе говорю, она ее ни за что не отдаст.

Тут дверь домика растворилась, и они увидели стоящую на пороге ведьму, ослепительной красоты женщину лет тридцати с черными, как смоль,

волосами, такими черными, что они отливали синевой, будто оперенье сороки, с глазами небесной голубизны и с выражением тихой кротости в лице. Коварная была особа.

— Как поживаете, дорогие мои? — спросила мадам Мим. — И чем я могу быть вам полезной сегодня?

Мальчики стянули с голов кожаные шапчонки, и Варт сказал:

— Не будете ли вы так добры, вон там на трубе сидит ворона, по-моему, она утащила мою стрелу.

— В точности так, — сказала мадам Мим. — Стрела там, в доме.

— Не вернете ли вы ее мне?

— Неизбежно, — мадам Мим сделала приглашающий жест. — Молодой джентльмен получит свою стрелу в сей самый миг, лишь только маятник четырежды качнется и нетопырь три раза пропищит.

— Большое вам спасибо, — сказал Варт.

— Войдите, — сказала мадам Мим. — Почтите мой порог. Вкусите от скромного гостеприимства с такой же открытой душой, с какой оно вам предлагается.

— Право же, мы не сможем у вас задержаться, —

вежливо сказал Варт. — Нам и вправду нужно идти. Нас дома ждут.

— Сладкое ожидание, — благоговейно откликнулась мадам Мим.

— И все же трудно отделаться от мысли, — прибавила она, — что молодые джентльмены могли бы найти немного времени и оказать честь бедной селянке, хотя бы из одной лишь учтивости. Немногие способны поверить в то, сколь верноподданные чувства охватывают нас, безродных арендаторов, когда случается нам принимать у себя сыновей владетеля этих земель.

— Мы бы с удовольствием к вам заглянули, — сказал Варт, — нет, правда, с большим удовольствием, но понимаете, мы и так уже запаздываем.

В ответ стоящая на пороге дама с жеманным подвыванием произнесла:

— Конечно, угощение у меня самое незатейливое, не то, к какому вы привыкли, и что же удивительного в том, что столь высокородным особам совсем не хочется его вкусить.

Тут уже не выдержал Кэй, всегда хорошо знавший как подобает и как не подобает себя вести. Будучи мальчиком аристократическим, он почитал необходимым снисходить до тех, кто ниже

его рождением, дабы они имели основания его обожать. Пусть даже приходилось рискнуть и посетить ведьмино логово, но допустить, чтобы про него говорили, будто он отказался разделить трапезу с арендатором, по причине скромности угощения, он все же не мог.

— Ладно, Варт, — сказал он. — войдем. Нас все равно раньше вечерни не ждут.

Они ступили за порог, минуя мадам Мим, присевшую перед ними в глубоком реверансе, и в тот же миг она цапнула мальчиков за загривки, сильными, как у цыганки, руками оторвала от земли и рванула с обоими к задней двери чуть ли не до того, как они вошли в переднюю. Гостиная и кухня пронеслись перед Вартом, едва успев оставить после себя смазанные впечатления. Занавесочки в кружавчиках, герань, литография, известная под названием «Выбор Девы», текст «Отче наш» отпечатанный шиворотнавыворот и повешенный вверх ногами, морская раковина, игольник в форме сердечка с надписью «Презент из Камелота», палки от метел, котлы, бутыли с вином из одуванчиков, — и вот уже мальчики, бьющиеся в потугах вырваться из ее лап, очутились на заднем дворе.

— Мы полагали, что подрастающим охотникам

будет любопытно взглянуть на наших кроликов, — сказала мадам Мим.

Во дворе и впрямь имелось несколько больших кроличьих клеток, да только кроликов в них не было. В одной сидел несчастный замызганный филин, жалкий и, видимо, пребывающий в полном небрежении; в другой — незнакомый Варту с Кэем мальчуган, дурачок, который только и смог при их появлении выкатить глаза да залопотать. Третью занимал облезлый черный петух. В чертвертой помещался шелудивый козел, тоже черный. Еще две стояли пустыми.

— Плаксивая Прорва! — крикнула ведьма.

— Здесь, маменька, — ответила черная ворона.

Хлопая крыльями и клекоча, ворона спустилась и села рядом с ними на землю, скосив набок поросший щетиною черный клюв. Она была любимицей ведьмы.

— Открой дверцы, — приказала мадам Мим, — и Плаксивая Прорва получит на ужин глазки, кругленькие и голубые.

Ворона-стервятница, всем своим обликом выражая довольство, с троекратным ура поспешила исполнить приказ, крепким клювом тягая тяжелые двери. Мальчиков затолкали вовнутрь, каждого в свою клетку, и мадам Мим оглядела

их с нескрываемым удовлетворением. На дверях клеток имелись заговоренные замки, — чтобы открыть их, ведьме приходилось что-то такое шептать в замочные скважины.

— Лучшая парочка молодых джентльменов, — сказала ведьма, — какую когда-либо тушили и жарили. Выкормлены, готова поспорить, отменного качества мясом, молоком и всем прочим. Ну что же, большого оставим на воскресенье, — авось мне удастся раздобыть немного вина, чтобы добавить в котел, а того, что поменьше, отведаем при восходе луны, ибо, Боже мой и черт подери, как подумаю, что не сей же час предстоит мне воткнуть в него мою острую вилку, у меня просто дух занимается.

— Выпусти меня отсюда, старая ведьма, — хрипло сказал Кэй, — выпусти или тебе придется иметь дело с сэром Эктором.

Заслышав такие слова, мадам Мим не смогла долее сдерживать буйную радость.

— Нет, вы послушайте шалуна, — закричала она, прищелкивая пальцами и отплясывая перед клетками подобие джиги с подскоками. — Послушайте, что говорит этот сладенький, храбренький, нежный кусочек парного мяса. Он мне дерзит, он мне грозит сэром Эктором, стоя на

самом краю кухонного котла. Ах, говорю вам, что ежели мне до исхода недели не выпадет счастья впиться в их мясо зубами, я просто в обморок упаду, и в том вам клянусь именами Скармиглиони, Велиала, Пеора, Кириато Саннуто и Доктора Д.

Она закружила по заднему двору и огороду, отчищая котлы, собирая на грядках травки для приправы, востря ножи с секачами, грея воду, подскакивая от восторга, облизывая ненасытные губы, произнося заклинания, заплетая в косу черные, как ночь, волосы и распевая за работою песни.

Первым делом она пропела старинную ведьмячью песню:

Духи черные и белые, духи света и могилы.

В этом вареве смешайтесь, как смешаться вам по силам.

Это кровь летучей мыши:

Лей, чтоб взвар поднялся выше,

Леопарса жуткий яд:

Суй туда же, все подряд.

В этом вареве смешайтесь, как смешаться вам по силам.

Затем спела песню рабочую:

Две чайных ложки хереса,
Три унции дрожжей,
Единорога фунта два,
И Бог наш пир призрей.
Все отбить по мере сил,
Все отбросить на дуршлаг,
Вскипятить, кусок отчикать,
Прыг, скок, бряк.
То в ведро, а то в котел, с пивом, джином
и горчицей.
Подстрелить, подбить, словить, выдрать
перышко у птицы.
Греть не сильно и не слабо.
Богу наш угоден шабаш.
Тре-ке-ке!
Три жабы в горшке.
Бру-га-га!
Лягушья нога.
Я сквозь занавесочку в кружавчиках

взираю:

Вот идет всем девам дева, на дурное вышла дело, я вас уверяю!

Ах, дитя, ваш облик милый

Словно создан для могилы.

Щепоточку соли.

С этими словами она хапнула полную жменю соли,

Глоток алкоголя.

Она на бесстыдный манер завертелась супротив солнца.

И эх-нанни-нанни-нанни безо всяких «может быть».

Под конец этой песни мадам Мим ни с того ни с сего расчувствовалась и отвела душу, исполнив несколько богохульственных гимнов, а также нежную любовную песенку, каковую пропела вполголоса, но зато с переливами. Песня была такая:

Моя любовь красна, как нос,

И хвост у нее лохматый.

И где бы милый мой ни бродил,

Я зову его Черт Рогатый.

С тем она и удалилась в гостиную, чтобы накрыть на стол.

Бедный Кэй плакал, лежа ничком в углу последней в ряду клетки и ни на что не обращая внимания. Мадам Мим, прежде чем швырнуть Кэя внутрь, исщипала его с головы до ног, проверяя, довольно ли он упитан. Да еще и смачно шлепнула, как это делают мясники, дабы удостовериться, что внутри у него нет пустот. А главное, он не испытывал ни малейшего желания быть съеденным за воскресным обедом, зато испытывал жалкий гнев на Варта, который завел его сюда и обрек столь ужасной участи из-за какой-то ерундовой стрелы. Кэй совсем забыл, что именно по его настоянию они переступили порог домика, себе на погибель.

Варт же сидел на корточках, ибо клетка была слишком мала, чтобы распрямиться в ней во весь рост, и изучал свое узилище. Решетки железные и дверца железная тоже. Он по очереди потряс прутья, прутья не подались, с таким же успехом можно было пытаться сдвинуть с места скалу. В углу помещалась железная миска для воды, — вода в ней, правда, отсутствовала, — и груда старой соломы, чтобы было на чем полежать. В соломе кишели какие-то паразиты.

— Наша хозяйка, — сказал вдруг сидевший в соседней клетке старый шелудивый козел, — не больно-то заботится о своих питомцах.

Говорил он тихо, стараясь, чтобы его не подслушали, но трупоедка-ворона, так и оставшаяся сидеть на каминной трубе, чтобы шпионить за ними, приметила, что мальчик с козлом разговаривают, и подобралась поближе.

— Если хочешь поговорить, — сказал козел, — говори, только шепотом.

— А ты что, один из ее домочадцев? — подозрительно осведомился Варт.

Бедное создание не оскорбилось его словами и даже постаралось не показать, как обиден ему подобный вопрос.

— Нет, — ответило оно, — я не из ее домочадцев. Я всего только шелудивый старый козел, да еще и ободранный, как ты можешь заметить, а держат меня здесь для того, чтобы принести в жертву.

— Она и тебя тоже съест? — спросил Варт, и голос его дрогнул.

— Не она. Для такой сладкоежки я слишком зловонен, это уж ты мне поверь. Нет, ей нужна моя кровь, чтобы размалеваться перед Вальпургиевой Ночью.

— Это, знаешь, еще не скоро, — без малейших

признаков жалости к себе продолжал козел. — За себя-то мне не так и обидно, потому что я уже старый. А ты посмотри вон на того несчастного филина, она его держит здесь просто потому, что в ней чувство собственника взыграло, а покормить то и дело забывает. Как увижу это, во мне прямо кровь закипает. Ему же полетать охота, крылья расправить. Он каждую ночь все бегает, бегает по клетке, бегает, будто большая крыса, такое его томит беспокойство. Видишь, все мягкие перья себе обломал. Я ладно, мне малоподвижная жизнь даже по нраву, — молодость моя улетела, природа себя оказывает, — но то, что она вытворяет с филином, это, я бы сказал, редкостный позор. С этим нужно что-то делать.

Варт сознавал, что его этой ночью вероятно убьют, первым из всей томящейся в клетках компании, и все же величие козлиной души его поневоле растрогало. Сам ожидая исполнения смертного приговора, козел еще находил в себе силы печалиться о филине. Варт позавидовал его отваге.

— Ах, если б я мог отсюда выбраться, — сказал он. — Я знаю одного волшебника, который бы мигом ее утихомирил и выручил всех нас.

Козел некоторое время обдумывал его слова,

кивая доброй старой головой с огромными дымчатыми глазами. Затем сказал:

— Вообще-то говоря, я знаю, как открыть твою клетку, я только не хотел упоминать об этом раньше времени. Прижми ухо к прутьям. Я знаю, как выпустить тебя, но не твоего бедного друга, который так жалобно плачет. Мне не хотелось подвергать тебя подобному искушению. Понимаешь, когда она заговаривает мой замок и два других, те что по бокам от меня, я слышу слова, которые она произносит. Когда же она отходит к дальним клеткам, мне уже ничего не слышно. Я знаю слова, способные освободить тебя и меня, и черного петуха впридачу, а вот твоему другу я помочь ничем не могу.

— Так почему же ты до сих пор не сбежал? — спросил Варт, сердце которого начало ухать в груди.

— Видишь ли, я не могу ничего сказать на человеческом языке, — печально ответил козел, — и этот несчастный слабоумный мальчонка, дурачок, и он никаких слов выговорить не способен.

— Ну так скажи их мне.

— Ты тогда выйдешь на свободу, и я с петухом тоже, если, конечно, ты задержишься, чтобы выпустить нас. Но хватит ли тебе духу остаться или

ты сразу сбежишь? И как быть с твоим другом и с дурачком, и со старым филином?

— Окажись я на свободе, я бы сразу побежал за Мерлином, — сказал Варт. — Сразу же, уверяю тебя, и он пришел бы сюда и в два счета убил бы старую ведьму, и тогда мы все вышли бы на свободу.

Козел вглядывался в мальчика, старые утомленные глаза его, казалось, пытались проникнуть в сокровенные глубины вартова сердца.

— Я сообщу тебе лишь те слова, которые открывают твою клетку, — в конце концов произнес козел. — Мы с петухом останемся здесь вместе с твоим другом — заложниками твоего возвращения.

— Ах, козел, — зашептал Варт. — Ты мог бы заставить меня произнести сначала слова, которые выпустят на свободу тебя, и сразу сбежать. Или освободить нас троих, начав для верности с себя, и покинуть Кэя на съедение. Но ты остаешься с ним. Ах, козел, я никогда тебя не забуду, и если мне не удастся вернуться вовремя, я не смогу больше жить.

— Нам придется подождать темноты. Теперь уж недолго.

Во время разговора они видели, как мадам Мим

зажигает в гостиной масляную лампу. Лампа была под розовым с узорчиками абажуром. Ворона, не способная видеть в темноте, потихоньку подкралась поближе к клеткам, чтобы по крайности иметь возможность подслушивать.

— Послушай, козел, — снова заговорил Варт, в душе которого в этих чреватых опасностью сумерках совершалась некая странная и страшная работа, — придвинь голову еще ближе. Пожалуйста, поверь мне, я вовсе не хочу превзойти тебя великодушием, но у меня есть план. Мне кажется, будет лучше, если я останусь заложником, а ты убежишь. Ты черный, тебя в темноте не видно. И ног у тебя четыре, так что бегаешь ты быстрее меня. Лучше тебе отправиться с весточкой к Мерлину. Я прошепчу заклинание для твоего замка, а сам останусь здесь.

Последние слова он выговорил с трудом, ибо сознавал, что мадам Мим теперь уже в любую минуту может прийти за ним, и если Мерлин к тому времени еще не появится, для него, Варта, это будет смертным приговором. Но он выговорил их, вытолкнул из себя так, словно дышал под водой, потому что сознавал и другое: если мадам явится за ним, а его не будет, она почти наверняка тут же сожрет Кэя.

— Господин, — без лишних слов произнес козел.

Он вытянул вперед одну ногу и приник двурогим лбом к земле в поклоне, отдаваемом лишь королям. А затем, уже как другу, он поцеловал Варту руку.

— Поспеши, — сказал Варт, — просунь ко мне рог сквозь прутья, и я одной из стрел напишу на нем записку для Мерлина.

Трудно было придумать, что написать столь неудобным стилом на столь малом пространстве. В конце концов, Варт просто нацарапал «Кэй». Он не написал своего имени, полагая, что Кэй намного важнее его и потому помощь для Кэя придет скорее.

— Дорогу знаешь? — спросил он.

— Знаю, моя бабка жила в замке.

— Так что надо сказать? Какие слова?

— Мои, — ответил козел, — довольно неприятные.

— Говори же.

— Ладно, — согласился козел. — Ты должен сказать: «Пусть доброе пищеваренье ждет до появленья аппетита».

— Ах, козел, — надтреснутым голосом сказал Варт. — как это все ужасно! Но беги быстрее, ко-

зел, и возвратись благополучно, и знаешь, козел, поцелуй меня еще раз на прощание.

Однако козел не стал его целовать. Он отдал Варту императорские почести, преклонив на сей раз оба колена, и едва только Варт произнес необходимые слова, метнулся из клетки вон и скрылся во мраке.

На беду, хоть оба они и шептались так тихо, что ворона не могла подслушать их разговор, заклинание все же пришлось произнести погромче, иначе оно не дошло бы до дверцы соседней клетки, да и дверца, когда открывалась, скрипнула.

— Маменька, маменька! — истошно завопила ворона. — Кролики разбегаются!

Сей же миг в освещенном проеме кухонной двери объявилась мадам Мим.

— Что там такое, Плаксынька? — крикнула она. — Что нас такое гнетет, синичка ты моя ласковая?

— Кролики разбегаются, — еще раз проверещала ворона.

Ведьма выскочила во двор, но слишком поздно, чтобы поймать козла или даже увидеть его, а потому сразу принялась проверять запоры, освещая их пальцами. Пальцы она, растопырив, держала торчком, на кончике каждого трепетал язычок

синего пламени.

— Один мальчик на месте, — пересчитывала своих пленников мадам Мим, — плачет, бедненький, обеда дожидается. Два мальчика на месте, и ни один не похудел. Один козел шелудивый пропал, ну и невелика потеря. Филин-то с петухом остались, и дурачок никуда не делся.

— И все же, — прибавила мадам Мим, — то, что он удрал, это нам предостережение, серьезное предостережение, вот что это такое.

— Он шептался с мальчишкой, — наябедничала ворона, — последние полчаса они все время шептались.

— Вот как? — сказала ведьма. — Значит, козел шептался с моим объяденьецем, э? Ну и много пользы это тебе принесло, мой мальчик? А как тебе понравится начиночка из шалфея? Однако, ты-то куда смотрела, Прорвочка ты моя? Как ты могла допустить такое их поведение? За это останешься без обеда, птичка моя расписная, райская. А ну-ка, плюхай отсюда на любое сохлое дерево и устраивайся на ночлег.

— Ах, маменька, — заныла ворона. — Я всего лишь выполняла мой долг.

— Плюхай отсюда, тебе говорят, — прикрикнула мадам Мим. — Пошла прочь, и можешь там

дуться, сколько захочешь.

Бедная ворона свесила голову и, бормоча что-то язвительное, поплелась на другой конец крыши.

— Ну-с, мой сочный кусочек, — сказала ведьма, повернувшись к Варту и прошептав положенное «Когдадовольствуешься-малым-достаточноецелый-пир», чтобы открыть его дверцу, — нам кажется, что котел уже закипает, и печка прогрелась в меру. Как моему молочному поросеночку понравится, когда его нашпигуют сальцем? Не все же ему шептаться по углам.

Варт, сколько мог, метался по клетке, не давая себя изловить, — он старался хоть немного потянуть время, чтобы Мерлин успел прийти к ним на помощь.

— Отцепись от меня, скотина, — вопил он. — Отцепись, старая карга, не то я тебе все пальцы перекусаю.

— Ишь как царапается, бедненький, — говорила мадам Мим. — Господи благослови, как он извивается и дерется и все только потому, что попал к басурманочке на обед.

— Ты не посмеешь меня убить, — кричал Варт, уже пойманный за ногу и повисший в воздухе вниз головой. — Тронь меня хоть пальцем, и ты пожалеешь об этом.

— Ягненочек, — сказала мадам Мим, — куропаточка полногрудая, как же он, бедный, пищит.

— Так вот, мой маленький, — продолжала ведьма, неся его в освещенную лампами кухню, на полу которой была расстелена чистая простыня, — в старину нравы были жестокие, и цыпляток ощипывали еще живыми. Так у них перышки легче выходили. В наши дни до такого зверства никто не доходит, никогда-никогда, но с другой стороны, маленькие мальчики, они ведь боли совершенно не чувствуют. Одежду с них лучше сдирать, пока они еще живы, а зажарить мальчика в одежде и тем испортить себе все удовольствие от еды, — такое кому же в голову вскочит?

— Убийца, — выкрикнул Варт. — Ночь еще не пройдет, как ты раскаешься в этом.

— Ах ты, заинька, — сказала ведьма, — просто срам — убивать такого, просто срам. Как у него волосики-то мягкие вздыбились, как он глазки-то выпучил. Бедная Прорвочка, не видать ей этих глазок, надо же, жалость какая. Вот как доходит до подобных дел, так, право, иногда прямо подмывает обратиться в вегетарианство.

Ведьма уложила Варта себе на подол, стиснула ему коленями голову и с расторопностью, сви-

детельствующей о немалой практике, начала стаскивать с него одежду. Варт изо всей мочи лягался и дергался, сознавая, что любое промедление отсрочит его неминучую смерть и даст козлу больше времени, чтобы привести на помощь Мерлина. Ведьма же, раздевая его, пела ощипательную песню, вот такую:

Хорошо щипать перо,
Коли дичь послушна — о.
Мягкое идет легко,
Жесткое натужно — о.
Если ж бьется, негодяй,
Ты на корчи не взирай.
Ибо мальчики, по счастью, к боли равнодушны.

Эту песню она перемежала другой, кухонной, — песней счастливой стряпухи:

Нежная шкурка хрустит на зубах,
Ах, мой утеночек сладенький, ах!
Вертел туда,
Жилки сюда,
Кушанье выйдет, как в лучших домах.

— Ты пожалеешь об этом, — кричал Варт, — да-

же если доживешь до тысячи лет.

— Ну, будет, поговорили, — сказала мадам Мим. — Пора уже нам тюкнуть его по темечку.

Держи его за ножки и
Едва головку задерет,
Руби ребром ладони, и
Он тут же и помрет.

Страшная ведьма подняла Варта повыше, намереваясь поступить с ним по сказанному, и в самое это мгновение в кухне с шипением, но без треска, полыхнула летняя зарница, и на пороге возник Мерлин.

— Ха! — сказал он. — А ну-ка посмотрим, чего стоит полученный в Дом-Даниэле с отличием диплом по двум специальностям против приватных уроков моего учителя Блейза.

Мадам Мим, не глядя, отложила Варта в сторонку, поднялась из кресла и распрямилась во весь свой великолепный рост. Ее роскошные волосы начали потрескивать, из сверкающих глаз полетели искры. Целую минуту она и Мерлин простояли друг против дружки, не произнеся ни единого слова. Затем мадам Мим присела в царственном реверансе, а Мерлин холодно склонил голову. Он отступил, пропуская ее в дверь, и

вышел следом за ней в огород.

Прежде, чем мы двинемся дальше, вероятно, следует объяснить, что в те далекие дни, когда в Дом-Даниэле, в подводных чертогах морского царя, действительно располагался колледж, готовивший колдунов и ведьм, и когда все чародеи делились на черных и белых, между двумя этими вероисповеданиями существовала серьезная вражда. Ссоры черных магов с белыми разрешались посредством официальных дуэлей. Протекала же колдовская дуэль так. Дуэлянты вставали один против другого в каком-нибудь месте — просторном и свободном от помех, — и ожидали сигнала к началу схватки. Услышав сигнал, они имели право превращаться во что угодно. Отчасти это напоминало игру, в которую и поныне играют вдвоем, при помощи кулаков. Игроки произносят «раз-два-три» и по счету «три» показывают либо два пальца, что означает — ножницы, либо ладонь — бумагу, либо сжатый кулак — камень. Если вы изобразите бумагу, а ваш противник ножницы, то победит он, потому что ножницы режут бумагу; но если вы превратитесь в камень, то ножницы его затупятся, и победа достанется вам. Цель же колдуна-дуэлянта состояла в том, чтобы обратиться в такое живот-

ное, растение или минерал, которое способно уничтожить животное, минерал или растение, выбранное противником. Схватки порой тянулись часами.

Обязанности секунданта при Мерлине исполнял Архимед. Секундантшей мадам Мим служила ворона, между тем как Геката, которой полагалось присутствовать при каждой такой стычке, приглядывая за тем, чтобы все совершалось по правилам, сидела на поставленной посреди огорода стремянке и осуществляла судейство. Это была спокойная, мускулистая дама, светившаяся собственным светом, похожим на лунный. Мерлин и мадам Мим засучили рукава, отдали верхнее платье на храненье Гекате, и Геката, чтобы с большим удобством наблюдать за боем, надвинула на брови защищающий глаза целлулоидный козырек.

При первом ударе гонга мадам Мим, не теряя времени, превратилась в дракона. Это был распространенный дебют, и Мерлину полагалось в ответ обратиться в грозу или что-то подобное. Вместо этого он сразу внес в поединок изрядную путаницу, став полевой мышью, совершенно незаметной в траве, и тяпнув мадам Мим за хвост, пока та озиралась по сторонам, ибо ей понадоби-

лось целых пять минут, чтобы его обнаружить. Когда же до нее дошло, кто ее укусил, она тут же обратилась в разъяренную кошку.

Варт затаил дыхание, ожидая, кем же теперь станет мышь, — быть может, тигром, способным прикончить кошку, — однако Мерлин просто-напросто превратился в другую кошку. Он стоял перед мадам и корчил рожи. Столь противное всем канонам поведение противника совершенно сбило мадам Мим с панталыку, и ей потребовалась целая минута, чтобы прийти в себя и обратиться в собаку. Она не успела еще завершить превращение, как на месте, занимаемом Мерлином, обнаружилась вторая собака, точь в точь такая же.

— Отлично сыграно, сэр! — воскликнул Варт, начиная понимать замысел Мерлина.

Мадам Мим обозлилась. Непробиваемая тактика противника выводила ее из терпения и требовала значительных внутренних усилий для сохранения душевного равновесия. Мадам понимала, что, лишившись его, она утратит способность к трезвой оценке происходящего, а вместе с нею и жизнь. Если при всяком ее превращении в свирепого зверя Мерлин будет превращаться в точно такого же, дуэль либо об-

ратится в собачью драку, либо закончится патом. Ей следовало сменить тактику и взять Мерлина врасплох.

В этот миг ударил гонг, обозначив конец первого раунда. Бойцы разошлись по углам, секунданты, хлопая крыльями, охладили их разгоряченные лица, причем Архимед, покусывая Мерлина клювом, провел небольшой сеанс массажа.

— Второй раунд, — скомандовала Геката. — Прошу секундантов покинуть ринг… Время!

Гонг пропел и два отчаянных мага снова сошлись лицом к лицу.

Отдыхая, мадам Мим разработала план. Она решила занять для начала оборонительную позицию и тем вынудить Мерлина перейти в наступление. Она превратилась в развесистый дуб.

Несколько секунд Мерлин в недоумении простоял перед дубом. Затем он с чрезмерной самоуверенностью, — и как вскоре выяснилось, поспешностью, — перекинулся в дымчатую лазоревку, вспорхнул и весело уселся на одну из ветвей мадам Мим. Пару мгновений дуб, казалось, кипел от гнева, но скоро гнев сменился холодной, как лед, яростью, и вместо ветки под бедной лазоревкой появилась змея. Пасть у змеи была разинута, птичка, собственно говоря, рас-

селась аккурат на ее нижней челюсти. Челюсти лязгнули, однако за долю мгновения до того лазоревку, обернувшуюся комаром, уже отнесло в безопасный воздух. Впрочем, Мадам Мим мигом сообразила, что к чему, и теперь сражение пошло с ошеломительной быстротой. Чем быстрее атакующая сторона принимала очередное обличие, тем меньше времени оставалось ее противнику, чтобы выдумать форму, способную его защитить, так что теперь изменения происходили со скоростью мысли. Едва комар успел взлететь, как змею заменила жаба, чей пытливый язык, почему-то растущий не изо рта, а с самого краешка челюсти, уже стремительно раскручивался, норовя прищелкнуть его. Комар, ошалев от вражьего натиска, перешел в наступление: загнанный в угол Мерлин предстал перед жабой в образе цапли, способной ее проглотить. Но тут уже мадам Мим оказалась в своей стихии. Теперь игра пошла по нормальным правилам, и никто не успел даже глазом моргнуть, как жаба обернулась сапсаном, падающим цапле на спину со скоростью, равной двумстам пятидесяти милям в час. Бедный Мерлин, начавший утрачивать самообладание, торопливо преобразился в слона, — выиграв этим ходом хоть малую, но передышку, — однако

безжалостная мадам Мим мгновенно переметнулась из сапсанов в аллои. Аллой крупнее слона настолько же, насколько слон крупнее овцы. Это такое животное вроде коня, но со слоновьим хоботом. Мадам Мим задрала хобот повыше, испустила пронзительный вопль, которого не постыдился бы и паровоз, и ринулась на задыхающегося врага. В тот же миг Мерлин исчез.

— Раз, — сказала Геката. — Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять…

Но прежде, чем прозвучало, присуждая Мерлину поражение, фатальное «десять», он, вытирая со лба пот, объявился в самой гуще крапивы. Он стоял средь ее стеблей в крапивном обличии.

На сей раз аллой не видел причины менять свой облик. Испустив еще один душераздирающий вопль, он бросился на стоящего перед ним врага. Мерлин сгинул за долю секунды до того, как на него обрушился хлещущий хобот, и миг все простояли спокойно, озираясь и гадая, где он покажется снова.

— Раз, — вновь начала Геката, но пока она продолжала считать, произошло нечто странное. Аллоя вдруг одолела икота, он покраснел, явственно вздулся, зашелся в кашле, покрылся сыпью, трижды споткнулся, выкатил глаза и

грохнулся наземь. Он застонал, дрыгнул ногой и сказал: «Прощай навек». Варт закричал ура, Архимед заухал, трупоедка-ворона рухнула замертво, а Геката, сидя на стремянке, аплодировала так, что едва с нее не свернулась. Мастерский был удар.

Изобретательный маг последовательно обратился в целую вереницу еще не открытых микробов икоты, скарлатины, коклюша, оспы и весноватости, и мерзкая мадам Мим, подхватив все эти болести сразу, незамедлительно сдохла.

Глава 13 из первого варианта «Меча в камне»

(Действие ее происходит сразу после возвращения мальчиков от Робина Вуда и перед получением сэром Эктором письма от Утера Пендрагона.)

Лето все-таки кончилось, и теперь уж никто бы не стал отрицать явственного наступления осени. Довольно грустная наступила пора, в которую еще блистающему в безоблачном небе старому ясному солнцу впервые за многие месяцы не удается согреть тело, в которую по утрам и вечерам принимаются пошевеливать призрачными щупальцами туман, изморозь, ветер, и осенняя паутина, словно взбодренная мощью близкой зимы, начинает напоминать о себе среди охладелых тел, брошенных бравым летом. На деревьях еще сохранялись листья, еще зеленые, но то была уже свинцовая зелень старой листвы, слишком многое повидавшей с весеннего времени, времени веселых красок, казалось, миновавшего так давно, и как всякое счастье, так быстро. Одна за одной пошли овечьи ярмарки. При первом же

сильном ветре со стуком попадали наземь спелые сливы, и там и здесь в прелестном солнечном свете, которому так скоро предстояло ослабнуть, зажелтели листья буков и дубов: одни — чтобы погибнуть скорой и милосердной смертью, другие — чтобы и дальше мрачно цепляться за промерзшее дерево и бумажными скелетиками шелестеть под восточным ветром зимы, пока опять не придет весна.

Рука у Варта больше не болела, но из опасения попортить ее, пока она не залечилась окончательно, ему все еще не позволяли предаваться после полудня воинственным упражнениям под руководством сержанта. Вместо упражнений он уходил на прогулки, навещал веселую семейку из пяти чеглоков, выкликавших «кюи-кюи-кюи-кюи-кюи» и готовых теперь уже в любой день отправиться в дальний перелет, — они и так задержались, — и собирал огромных гусениц, прошедших все положенные метаморфозы и неуклюже ползающих в поисках удобного для окукливания места. Лучшим его трофеем стала толстая, абрикосово-сливовая гусеница пахучего древоточца, ныне без особого недовольства похоронившая себя под шелковыми нитями в ящике с рыхлой землей, который Варт держал рядом

со своей кроватью. Три года ушло у гусеницы на то, чтобы достичь нынешних размеров, теперь ей оставалось пролежать, притаившись, еще целый год, прежде чем огромная, мышастая бабочка вылезет из своих старых доспехов и начнет накачивать кровь в прожилки расправляемых крыльев.

Во время одной из таких прогулок Мерлин поймал ужа. Они случайно столкнулись нос к носу, — каждый со своей стороны огибал мысок уже осеменившейся крапивы, и волшебник налетел на бедное пресмыкающееся так стремительно, что оно и двух раз не успело прищелкнуть черным раздвоенным языком. Мерлин держал извивающуюся, шипящую, испускающую мощный запах ацетилена змею, а Варт с ужасом смотрел на обоих.

— Ты его не бойся, — сказал Мерлин. — Это всего лишь кусочек оливковой молнии с охряным V позади блестящей черной головки. Ни укусить, ни ужалить тебя он не может. Он в жизни своей не причинил никому вреда и умеет лишь удирать да вот еще пахнуть.

— Смотри, — сказал он и стал поглаживать ужа от головы к хвосту: бедняга попытался увернуться от прикосновений, но вскоре смирился с

ними, не прекращая однако потуг выскользнуть из человеческой руки.

— Их каждый убить норовит, — возмущенно сказал Мерлин. — Какой-то, прости Господи, дурак объявил, что гадюку можно узнать по букве V на головке, потому что по-латыни, видишь ли, «vipera» означает «змея». На гадючьей-то голове чтобы хоть чтонибудь разглядеть, надо пять минут потратить, а в результате забивают до смерти вот этих красавцев, благо V у них яркожелтое да еще с черной каемкой. На, подержи его.

Варт с опаской взял змею в руки, стараясь держать ее так, чтобы задний проход, из которого исходило зловоние, оказался подальше. Он всегда полагал, что змеи не только опасны, но и скользки, однако эта скользкой совсем не была. Она казалась на ощупь сухой, будто кусок живой веревки, и подобно веревке, оставляла в пальцах приятное ощущение, создаваемое покрывающими ее чешуйками. Каждая унция змеиного тела представляла собою мышцу, каждая чешуйка на животе — крепкую и подвижную ногу. Варту приходилось прежде держать в руках жаб, но те толстые, философически бородавчатые создания казались вязкими из-за их мягкой, податливой плоти. Что же до этого существа, оно оставляло

впечатление сухой, нежно шершавой, переливающейся силы. Температура его была точно такой же, как у земли, на которой оно грелось под солнцем.

— Ты как-то просил, чтобы тебя превратили в змею, — сказал Мерлин. — Не передумал еще?

— Нет, я с удовольствием.

— Жизнь у них не такая уж и увлекательная. Не думаю, чтобы среди них с тобой случилось что-нибудь интересное. Вот этот малый ест, скорее всего, раз в неделю, а то и в две, а все остальное время спит. С другой стороны, если я превращу тебя в ужа, ты, может быть, сумеешь его разговорить. На большее не рассчитывай.

— Все равно, я хотел бы попробовать.

— Ну ладно, хоть отдохнешь от стрельбы по антропофагам.

Мерлин выпустил ужа, и тот стремглав метнулся в крапиву. Затем Мерлин обменялся несколькими греческими словами с невидимым господином по имени Асклепий, обернулся к Варту и сказал:

— Я останусь здесь на пару часов, может быть, присяду вон под тем деревом и вздремну. Потом позову тебя и ты уж, пожалуйста, выйди. Пока.

Варт попытался тоже сказать «Пока», но об-

наружил, что онемел. Он быстро взглянул себе на руки, рук на месте не оказалось. Асклепий так нежно увел его в свой мир, что Варт этого не заметил. Теперь он лежал на земле.

— Ладно, давай, ползи, — сказал Мерлин. — Поищи его там, в крапиве.

Некоторые люди говорят, будто змеи глухи, а есть и такие, кто уверяет, что они намеренно лишают себя слуха, дабы не поддаваться магическим чарам музыки. Мудрая гадюка, к примеру, как о том сообщает множество ученых мужей, ложится одним ухом на землю и вонзает в другое острый кончик собственного хвоста, чтобы только не слышать мелодий, которые вы ей наигрываете. Варт же доподлинно обнаружил, что змеи вовсе не глухи. У него, во всяком случае, ухо имелось, и это ухо воспринимало густые рокочущие звуки, лишь отчасти схожие с теми, какие ему приходилось слышать в бытность свою мальчиком. Если, скажем, ты опустишься, сидя в ванне, под воду, и кто-то ударит по ней, или трубы вдруг забурчат, звуки, которые ты услышишь, будут совсем не такими, какие слышны снаружи. Но если достаточно долго продержать голову под водой, то скоро привыкнешь к этим звукам и научишься связывать рев и гудение

с водопроводными трубами. То есть, хоть сами звуки и переменятся, ты все равно будешь слышать все те же трубы, какие слышит человек, остающийся в наружном воздухе. Точно так же и Варт услышал слова Мерлина, пусть даже голос волшебника показался Варту пронзительным и тонким, а потому Варт надеялся, что и со змеей ему все же удастся поговорить. Он щелчком выбросил изо рта язык, которым пользовался, как щупом, — подобно человеку, пробующему длинной жердью топкое болото, — и скользнул в крапиву, на поиски собеседника.

Вторая змея лежала, приникнув к земле и еще пребывая в состоянии чрезвычайного смятения. Она ухитрилась затиснуться под самые корни растущей среди крапивы жесткой травы, ибо между зеленой травой и почвой (в истинном смысле этого слова) всегда существует воздушная прослойка. Верхний слой травы как бы приподнимается, подпираемый колоннами выцветших, белесых корней, — вот в такой покрывающей всякий луг огромной полости с земляным полом и зеленым потолком и нашел убежище бедный уж. Он горько плакался себе самому, восклицая очень приятным, слабеньким, простеньким голоском: «Увы! Увы!».

Трудно объяснить, как разговаривают змеи. Ну вот разве что: всем известно, что существуют такие световые лучи — инфракрасные, ультрафиолетовые и те, что лежат в спектре еще дальше этих, — которые, скажем, муравьи углядеть способны, а люди — нет. Точно так же существуют и звуковые волны, тон которых лежит либо выше писка летучей мыши, — Моцарт в 1770 году слышал, как такой звук издала Лукреция Агуари, — либо ниже, чем рокот дальнего грома, который фазаны слышат раньше человека (или им просто удается разглядеть вспышку молнии?). Вот посредством подобных трудновообразимых мелодических акцентов змеи и ведут разговоры.

— Ты кто? — трепеща, спросил уж, когда Варт заполз в укромную полость. — Человека видел? По-моему, это был H. sapiens. Я только сию минуту улепетнул от него.

Несчастного так трясло, что он, не дожидаясь ответов на свои вопросы, взволнованно продолжал:

— Ну и жуткое же создание. Ты заметил, как от него пахнет? Нет уж, больше я второпях никуда выскакивать не стану, это будьте благонадежны. А то видишь, в какую историю вляпался? Насколько я разглядел, это был H. sapiens barbatus. Их

тут немало водится. Прими мой совет, отлежись пару деньков. Я всего на минутку вылез, думал разжиться лягушкой-другой перед зимней спячкой, так он налетел на меня, почище ежа. Ей-ей, я в жизни так не пугался. Как ты считаешь, может, мне лучше сразу спать завалиться?

— Я бы на твоем месте не беспокоился, — сказал Варт. — Как раз этого человека я немного знаю, он змей любит.

— Кушать? — с запинкой спросил уж.

— Да нет. Он относится к ним по-дружески, у него даже есть несколько питомцев. Когда мы… то есть я хотел сказать — он, когда он выходит собирать травы, то основное время тратит на ловлю лягушек, чтобы покормить своих змей. Удивительно, как мало лягушек попадается, когда начинаешь искать, — все жабы да жабы. А жаб змеи не едят.

— Я как-то съел жабу, — понемногу успокаиваясь, сказал уж. — Знаешь, совсем маленькая была, а все равно невкусная. И все же я бы ни за какие лягушки не хотел оказаться среди питомцев этого существа. Ты случаем не знаешь, какого он пола?

— Мужского, — сказал Варт.

— H. sapiens barbatus, — повторил уж, ощутивший себя — теперь, когда предмет обсуждения

удалось классифицировать, — в большей безопасности.

— А тебя как зовут, дитя мое?

Варт не знал, что ответить, и потому просто сказал правду.

— Странное имя, — с сомнением в голосе произнес уж.

— А у тебя какое? — спросил Варт.

— T. natrix.

— Это T. что-нибудь обозначает?

— Ну, во всяком случае не Томми, если ты это имел в виду, — несколько высокомерно ответил уж. — В моем семействе оно всегда означало Tropidonotus.

— Прошу прощения.

— Ты на меня только не обижайся, — сказал уж, — но помоему, твоим образованием немного пренебрегали. Мало того, что мать назвала тебя Вартом, как какую-нибудь вульгарную Bufonidae, так ты еще и T. natrix'а признать не способен. У тебя вообще-то мать когда-нибудь была?

— Вообще-то не было.

— О, извини, — воскликнул уж. — Надеюсь, я не ранил твоих чувств. Ты хочешь сказать, что у тебя никогда не было никого, кто преподал бы тебе Легенды и Сны и прочее?

— Никогда.

— Ах ты бедный тритончик! Чем же ты занимаешься во время спячки?

— Наверное, просто сплю.

— И снов не видишь?

— Нет, — ответил Варт. — По-моему, нет. Во всяком случае, не много.

Тут выяснилось, что T. natrix — существо добросердое и чувствительное, ибо, услышав ответ Варта, оно сронило — из носа — маленькую чистую слезу и возмущенно воскликнуло:

— Какой позор! Стыдно даже представить себе несчастную маленькую рептилию, как она заползает на долгие зимние месяцы в одинокую норку и не может ни матушку вспомнить, ни хоть какого ни на есть Сна посмотреть, чтобы скоротать время. Тебя, наверное, даже Истории не обучали?

— Историю я немного знаю, — неуверенно ответил Варт. — Про Александра Великого и еще кое-что.

— Какая-нибудь современная дребедень, без сомнения, — сказал уж. — Как ты зиму протянешь, я совершенно не понимаю. Но хотя бы про Atlantosaurus immanis и Ceratosaurus nasicornis тебе кто-нибудь рассказывал?

— Да вроде бы нет.

— Ну, я просто слов не нахожу.

— А сам ты не мог бы мне про них рассказать?

— Это определенно представляется делом в высшей степени добрым, — ответил уж, — и, клянусь Асклепием, так я и поступлю, даже если рассказ займет остаток дня. Господи, да я во всю зиму заснуть не смогу, думая о том, как ты дрожишь у себя в норе, не имея пищи для размышлений.

— Очень будет любезно с твоей стороны, если ты мне про них расскажешь.

— Обязательно расскажу, — ответило доброе пресмыкающееся. — Сейчас ты узнаешь, какие мысли кружат в скромном, неспешном, зимнем разуме всякой змеи, пока снаружи шуршит, опадая, снег, — да, собственно, и летом тоже, когда змеи греются на теплых камнях. Что бы ты предпочел, Историю или Легенды?

— Пожалуй, Историю, — сказал Варт.

— Историю, — пробормотал уж, и глаза его, закрыть которых он не мог, затянулись пленкой.

— Историю, — негромко повторил он. — Угу.

— Ну, не знаю… — спустя минуту, произнес уж.

Затем он тихо вздохнул, так и не придя к какому-либо решению.

— Про нас тебе лучше забыть, — отрешенно

начал он. — Ни меня, ни тебя История не касается. Мы слишком малы, чтобы великое море обращало на нас внимание. Потому-то у меня и нет своего имени — T. natrix и только, как у всех моих пращуров. Само по себе семейство T. natrix еще как-то участвует в Истории, а я — я нет.

Уж замолк, стараясь побороть охватившие его чувства, а затем неторопливо продолжил.

— Мы, змеи, помним одно, дитя мое. Если не считать еще двух народов, мы — старейшие из существ, обитающих в мире. Взгляни хотя бы на этого смехотворного H. sapiens barbatus, который только что так меня напугал. Когда он появился на свет? Десять-двадцать тысяч лет назад. А что могут значить эти десять или двадцать тысяч? Земля остывала. Воды покрывали ее. Сто миллионов лет тому назад в Великое Море пришла Жизнь, и тогда в нем зародились рыбы. Это старейший средь всех народов, Рыбы. Их дети выползли из воды и обосновались в прибрежных зарослях, так появились Амфибии, или Земноводные, среди которых числятся и наши друзья тритоны. Третьим народом, произошедшим от Амфибий, были Рептилии, сиречь Пресмыкающиеся, — к коим принадлежим и мы. Подумай о ликах древнего мира, среди которых ползал по

илу T. natrix, подумай о миллионах лет. Да что говорить, птицы, которых ты видишь каждый день, — это наши потомки, но мы продолжаем существовать рядом с ними.

— Ты хочешь сказать, что когда ты родился, еще не было ни птиц, ни людей?

— Ни птиц, ни людей, ни обезьян, ни оленей, ни слонов, — никаких животных подобного рода: только земноводные, пресмыкающиеся, рыбы и мезозойский мир.

— Такова история, — задумчиво добавил уж, — и любому из этих H. sapiens barbatus стоило бы вспомнить о ней, когда ему в очередной раз приспичит убить ужа вместо гадюки.

— Есть некая странность в Воле Морей, и эта странность связана с Историей нашего семейства. Тебе никогда не приходилось слышать рассказ о H. sapiens armatus georgius sanctus?

— По-моему, нет, — ответил Варт.

— Давным-давно, когда даже T. natrix был еще юн и исполнен надежд, жили на свете два семейства, называемых Atlantosaurus immanis и Ceratosaurus nasicornis. Атлантозавр имел в длину сто пятнадцать футов. Мозгов у него было не так чтобы много, хотя мне приходилось когда-то слышать разговоры о том, что у него будто бы

имелся, на другом его конце, добавочный мозг, присматривающий за хвостом, кормился же Атлантозавр, объедая деревья. Был он застенчив, задумчив и совершенно безвреден, разве что сжует по ошибке заодно с ветками и древесную лягушку. Жил он очень долго, и сколько ни жил, все думал, думал, и хоть получалось у него это не так чтобы очень хорошо, но все же к концу жизни, глядишь, чтонибудь да придумает. Сколько я помню, он сумел додуматься до способа, с помощью которого двадцатифутовому исполину вроде него, удается просуществовать, не сломавшись под собственным весом, — он обзавелся полыми костями. Птицам, знаешь, тоже приходится решать эту задачу, но, правда, по иным причинам. Впрочем, не исключено, что я путаю его с каким-то другим динозавром.

— Да, а вот Ceratosaurus nasicornis был существом довольно маленьким, всего-навсего семнадцати футов в длину. Зато у него имелись зубы, способные дробить и терзать, и до того плохо подогнанные один к другому, что скакал он с вечно полуоскаленной как бы в страшной улыбке убийственной пастью. Он именно скакал, будто кенгуру, смертоносный кенгуру, и наскакивал он, как правило, на бедного Atlantosaurus immanis.

На морде у него торчал рог, как у носорога, им он пропарывал брешь в крупном, неповоротливом старом теле своей жертвы, и зубы его с лязгом сходились в плоти бедняги, будто в спелом плоде, и рывком мускулистой шеи он выдирал оттуда здоровенный кусок мяса. А что самое страшное, скакал он целыми стадами.

— Ceratosaurus nasicornis воевал с Atlantosaurus immanis, то была странная война, угодная Духу Вод, война соперничества и эволюции, заставляющая деревья на Амазонке сражаться друг с другом за солнечный свет, вытягиваясь все выше, война, в ходе которой многим моим родичам пришлось ради блага жизни пожертвовать такими удобнейшими вещами, как конечности, зубы и зрение.

— Кератозавры были безжалостны и агрессивны, Атлантозавры — кротки и преклонны летами. Их битва длилась много столетий, примерно столько же, сколько потребуется H. sapiens'у, чтобы истребить себя самого. К концу этого срока восторжествовала пассивная сторона. Свирепые Кенгуру, сея вокруг себя смерть, убивали каждого десятого из числа противников и затем пожирали его мертвое тело, но ведь мертвые тела не способны к воспроизводству вида, так что в конце

концов Кенгуру извели ту самую живую плоть, которой кормились. Слишком безжалостный по мнению Духа Вод, слишком кровожадный, чтобы мирно занять свое место в последовательной иерархии жертв, Кератозавр скитался по густым джунглям в напрасных поисках пищи, которая могла бы удовлетворить его щелкающие челюсти, а затем вымер, уснул, как уснули его предки.

— Последняя Атлантозавриха высунула из джунглей, в которых она пряталась, сорокафутовую шею и осмотрела истощенное тело своего околевшего с голода гонителя. Ей удалось сохранить жизнь, потому что она, подобно разумнику-вяхирю, избрала своей специализацией бегство. Она выучилась улепетывать, таиться, стоять без движения, управлять своим запахом, прятаться в водах. Смирение позволило ей пережить врага, убившего ее мужа, — ныне она вынашивала мужниных детей, последних представителей победившего рода. Рождение их ожидалось через несколько лет.

— Тем временем подоспел и H. sapiens. Он тоже натерпелся ужасов от кровожадного Кенгуру. Дабы защитить себя от этого хищника, он породил подкласс, называемый H. sapiens armatus, представители этого подкласса были укрыты

металлическими панцирями и носили с собой копья, коими защищались от динозавров. Дальнейшее усовершенствование этого подкласса привело к появлению отряда, называемого H. sapiens armatus georgius sanctus, существа, его составлявшие, не отличались особой наблюдательностью и относили всех динозавров к классу своих врагов.

— Атлантозавриха, высунув из зарослей шею, с торжеством размышляла о своих неродившихся детях. Во весь свой век она никого не убила, и будущим ее потомкам предстояло продлить жизнь вегетарианской расы. Она услышала лязг, издаваемый H. sapiens armatus georgius sanctus, и с дружелюбным интересом повернула к нему свою миловидную рептильную голову.

— А дальше? — спросил Варт.

— Ну, убил он ее, конечно, — с неожиданной краткостью заключил уж и отвернулся. — Мы с ней принадлежали к одной расе.

— Мне очень жаль, — сказал Варт. — Просто не знаю, что и сказать.

— А что тут можно сказать, милый ты мой? — ответил терпеливый уж. — Пожалуй, нам следует сменить тему. Давай, я расскажу тебе какую-нибудь Легенду или Сон.

Варт сказал:

— Если они печальные, то лучше не надо.

— Ничего нет на свете печального, — ответил уж, — не считая Истории. Все эти повести лишь материал для созерцания, которому мы предаемся во всю зимнюю спячку.

— А что в нем хорошего, в созерцании?

— Да как тебе сказать, все-таки — препровождение времени. Вон даже H. sapiens и тот, знаешь ли, понастроил себе с этой целью музеев: и кстати, созерцает во многих из них побелевшие кости Атлантозавров вместе с панцырями georgius sanctus.

— Если тебе известна какая-либо достаточно веселая Легенда, — сказал Варт, — я, наверное, смогу ее выдержать.

— Какой-ты смешной, тритончик, — с нежностью сказал T. natrix (похоже, что «тритончик» было одним из его любимых словечек). — Пожалуй, я расскажу тебе Легенду о моем опасном кузене, из-за которого мне приходится страдать.

— Она веселая?

— Ну, не знаю, — она просто тянется, пока не дойдет до конца, а там и кончается, как любая Легенда.

— Ну, расскажи, — согласился Варт.

— Эта Легенда, — откашлявшись, заговорил монотонным голосом уж, — происходит из Бирмы, страны, о которой ты, скорее всего, никогда не слыхал.

— Когда-то давным-давно на свете существовала всего одна ядовитая змея и змеей этой был питон. Как ты знаешь, он теперь уже не ядовит, и история о том, почему он лишился яда, весьма любопытна. В те дни он был весь белый. И вот случилось ему познакомиться с женой одного человека, которую звали тетушка Еу, и по прошествии времени они полюбили друг друга. Тетушка Еу покинула мужа и ушла жить к питону, имя же его было P. reticulatus. Женщина она была в некоторых отношениях старомодная, из тех, что с наслаждением шьют для людейсвященников домашние туфли, и вот она вскоре решила соткать для своего питона весьма живописную новую облегающую кожу, богато изукрашенную черными ромбами и желтыми точками, и разбросанными там и сям через правильные промежутки янтарными квадратами и крестиками, какие встречаются у людей на ковриках и на вышивке. P. reticulatus'у новая кожа страшно понравилась, и он стал носить ее не снимая, и потому он теперь уже больше не белый.

— В ту пору питон увлекался опытами со своим редкостным ядом. Поскольку он был единственной на свете ядовитой змеей, ему, естественно, достался весь тот яд, который ныне поделен между всеми прочими змеями. Ужасный яд его был, поэтому, столь крепок, что питон мог убить человека, где бы тот ни находился, просто-напросто укусив отпечаток ноги, который этому человеку случилось оставить на земле. P. reticulatus, натурально, гордился такой своей способностью, но никак не удавалось ему получить зримое ее доказательство. Он ведь не мог увидеть, как человек умирает, находясь в это время в трех-четырех милях от своей жертвы и кусая ее след. А удостоверить на опыте истинность своей способности ему очень хотелось.

— И вот однажды он решил, что можно, пожалуй, положиться на показания надежного свидетеля. И уговорил он одну ворону, с которой дружил, слетать в селение Каренов, — так назывались люди, жившие в тех местах, — и проследить, и посмотреть, умрет ли человек, когда он, питон, укусит его след.

— А надо тебе сказать, что у Каренов был удивительный обычай отмечать смерть или похороны не плачем и стенаниями, но веселием, пением,

танцами, прыжками и барабанным боем. Вот прилетела ворона и уселась на дерево, чтобы понаблюдать за событиями, и после того, как человек умер, Карены принялись исполнять обычные свои обряды прямо перед той хижиной, в которой лежал пораженный ядом мужчина. Посмотрела ворона на них, посмотрела да и вернулась к питону и рассказала, что не только никто не помер от его ядовитого укуса, а напротив, все люди от него возрадовались до чрезвычайности, словно он их занес на седьмое небо. Питон до того осерчал, что влез на самую верхушку дерева и вытошнил бесполезный яд до самой последней унции.

— Яд, разумеется, должен был на что-то упасть. Питон-то способность жалить утратил, но зато ядовитым стало дерево, — и поныне еще Антропофаги отравляют его соком свои стрелы, — ну и кроме того, несколько существ, случайно оказавшихся под деревом, получили каждый свою долю. Среди них были Кобра, Водный Змей и Лягушка.

— А следует тебе знать, что тетушка Еу питала, однако же, слабость к своим смертным собратьям, и вот, узнав, что яд всетаки был ядовитым, стала она корить P. reticulatus'a за то, что он наделил столь многих существ способностью приносить

людям погибель. P. reticulatus, испытывая к ней благодарность за сотканную ею одежду, почувствовал раскаяние в содеянном и стал думать, как бы ему все исправить. И собрал он всех тварей, получивших яд, и объяснил им его природу, и попросил дать обещание, что они не станут пользоваться им в деспотических целях.

— Кобра согласилась с высказанными им замечаниями и сказала: «Если покусится кто ослепить мои глаза и заставить меня лить слезы семь раз на дню, вот тогда я стану кусаться, а иначе ни за что». То же пообещали и иные твари, что подобрее. И только Водный Змей да дура Лягушка объявили, что им непонятно при чем тут питон, и что они, со своей стороны, намерены кусаться, когда им того захочется. Питон, не медля, набросился на них и загнал их в воду, а вода, разумеется, весь яд из них вымыла, растворила и унесла.

Варт подождал немного, надеясь услышать продолжение этой истории, но продолжения не последовало. К концу рассказа голос T. natrix'a становился все глуше и сонливее, ибо близился вечер, и ветер веял уже холодком. Казалось монотонность рассказа все сильнее и сильнее воздействует на самого рассказчика, если вы представляете себе, как это бывает, так что под

конец рассказ словно бы сам себя рассказывал из задремавшей змеи, — хотя определенно утверждать, что она спит, было невозможно, поскольку веки у змей отсутствуют и глаза им прикрыть нечем.

— Спасибо, — сказал Варт. — По-моему, это хорошая история.

— Посмотри ее еще раз во время зимней спячки, — сонно прошептал T. natrix.

— Хорошо.

— Спокойной ночи, — сказал уж.

— Спокойной ночи.

Странно, но Варта ди вправду клонило в сон. Был ли причиной тому голос ужа или прохлада, или на него так подействовал услышанный рассказ, но через две минуты он уже спал сном рептилии. Во сне он был стар, стар, как вены Земли, оказавшиеся змеями, и Асклепий с бородой белой, словно горные ледники, убаюкивал его колыбельной. Он учил его мудрости, древней мудрости, благодаря которой старые змеи способны бродить на трехстах ногах сразу по тому же самому миру, в коем научились летать их внуки, птицы; он пел Варту песню всех Вод:

В великом море светила плывут

Над вечным кружением вод.

Приляг, преклони шальную главу

На грудь, что не чует, не помнит, не ждет.

Она лишь качает нас в люльке из звезд, -

Рептилию, розу, ей все равно.

Отсюда мы вышли и здесь наш погост.

Спокойной ночи, радостных снов.

В конце концов Мерлину пришлось двадцать раз выкликать уснувшую змею тонким человеческим голосом, чтобы она вовремя поспела к чаю.

Глава 19 из первого варианта «Меча в камне»

(Это последняя из «детских глав». В тетралогии за ней следует глава XX.)

По вечерам после ужина, если только не буйствовало жаркое лето, они сходились в башенном покое, и приходской священник, преподобный Сайдботем, — а если он был занят сочинением проповеди, то и сам Мерлин — читал им из какой-нибудь исполненной мудрости книги историю, осенявшую миром их души. Зимой здесь было чудесно, толстые поленья рычали в камине, — буковые обливались синеватым безжалостным пламенем, вяз сгорал быстро и весело, ярко вспыхивал ясень, курилась ароматами сосна, — у камина спали собаки, им снилась охота, а в воображении мальчиков возникали прекрасные девы, опускавшие с башен до самой земли золотистые волосы, дабы спасителям их легче было взобраться наверх. Впрочем, здесь было неплохо почти во всякое время года.

Читали они обыкновенно книгу, озаглавленную «Gesta Romanorum», увлекательные повести

которой начинались такими волнующими фразами, как «Жил некий Король, питавший необычайное пристрастие к маленьким собачкам, способным издавать громкий лай» или «У некоего вельможи имелась белая корова, к каковой питал он невиданное пристрастие, указывая оному две причины: первая, что была эта корова белой без единого пятна на ней, а затем, потому…»

Пока разворачивалась чудесная история, мальчики да собственно и мужчины тоже сидели тихо, как церковные мыши, а когда непредсказуемое повествование подходило к концу, обращали взоры на преподобного Сайдботема (или на Мерлина, у которого это получалось хуже), дабы он растолковал им смысл рассказанного. Преподобный Сайдботем, набрав побольше воздуху в грудь, храбро брался за исполнение этой задачи, объясняя почему некий Король — это на самом деле Христос, а громко лающие собачки — суть ревностные проповедники, или почему белая корова есть ничто иное, как душа, млеко же, ею даваемое, — это богослужение и молитва. По временам, а если правду сказать, то как правило, бедному викарию приходилось изрядно попотеть, чтобы извлечь из рассказа мораль, однако

в истинности его объяснений никто не сомневался, да к тому же большинство его слушателей довольно быстро засыпало.

Стояла тихая летняя ночь, — последняя, когда еще можно было найти оправдания для того, чтобы разжечь камин, — и преподобный Сайдботем читал одну из своих повестей. Варт лежал, прислонясь в дремоте к тощим бокам борзых, сэр Эктор, чей взгляд приковали к себе освещавшие вечерний покой поленья, прихлебывал вино, Кэй играл сам с собою в шахматы, — довольно плохо играл, — а Мерлин с бородой, расцвеченной пламенем в шафрановые тона, скрестив ноги, сидел рядом с Вартом и вязал.

— «Открыли однажды в Риме, — гугнивым голосом читал преподобный Сайдботем, — нетронутое какой-либо порчей тело, превосходившее ростом градскую стену, и было на этом теле начертано: „Паллас, сын Эвандера, убитый копьем бесчестного воина, покоится здесь“. В головах же его горела свеча, каковую ни водою, ни дуновением не могли загасить, покамест не проткнули иглою дырку под самым пламенем и не впустили в свечу воздух. Рана, от коей умер сей великан, имела в длину четыре с половиною фута. Убит же он был после падения Трои и оставался в сво-

ей гробнице две тысячи и еще две сотни и еще сорок лет.»

— Ты великана когда-нибудь видел? — тихо, чтобы не помешать чтению, спросил Мерлин. — Ну да, я помню, не видел. Ну-ка, возьми меня за руку и закрой на минутку глаза.

Викарий еще что-то гудел про гигантского сына Эвандера, сэр Эктор глядел в огонь, Кэй с тихим щелчком переставил одну из фигур, а Варт с Мерлином уже стояли, держась за руки, посреди незнакомого леса.

— Это Лес Бурливых Вод, — сказал Мерлин, — мы с тобой собираемся навестить великана Галапаса. Теперь слушай. Сейчас ты невидим, потому что держишься за мою руку. Я способен усилием воли, — должен сказать, чрезвычайно утомительным, — сохранять себя невидимым, равно как и тебя, пока ты ко мне прикасаешься. Трудов это требует раза в два больших, ну да уж ладно. Однако, если ты хотя бы на миг отпустишь меня, ты станешь на этот самый миг видимым, а если ты это проделаешь в присутствии Галапаса, он тебя в один присест слопает. Так что держись.

— Хорошо, — сказал Варт.

— И не надо говорить «хорошо». Ничего тут хорошего нет. Все как раз плохо. Да, и еще. В

этом чертовом лесу полно ловушек, так что ты окажешь мне большую любезность, если будешь смотреть под ноги.

— А что за ловушки?

— Да он тут нарыл ям глубиной футов примерно в десять с ровными глиняными стенами, а сверху накрывает их сухими ветками, сосновыми иглами и тому подобным сором. Человек наступает на ветки и валится в яму, а Галапас по утрам обходит ловушки с луком наготове, чтобы прикончить тех, кто в них попался. Пристрелит бедолагу, спустится вниз и вытаскивает, — так у него на обед несколько штук набирается. Сам-то он из десятифутовой ямы вылезает без труда.

— Хорошо, — снова сказал Варт и тут же поправился, — я буду осторожен.

Быть невидимкой вовсе не так приятно, как кажется. Через несколько минут уже перестаешь понимать, где болтаются твои руки и ноги, — в лучшем случае догадываешься об этом с точностью до трех-четырех дюймов, — так что пробираться по заросшему кустарником лесу становится отнюдь не легко. Зарослито видишь отчетливо, а вот как ты сам расположен относительно них, точно сказать не можешь. С ногами, — хотя возникающие в них ощущения то-

же становятся путаными, — кое-как еще удается сладить, приглядываясь к оставляемым ими следам и к траве, покорно ложащейся на землю под ними, но что касается рук, тут дело становится безнадежным, если только не сосредоточиться и не стараться запоминать, куда ты их в последний раз пристроил. О положении тела, как правило, можно судить либо по неестественному изгибу какой-нибудь колючей ветки, либо основываясь на странном ощущении «центральности», свойственном всякому человеку по той причине, что душа его располагается неподалеку от печени.

— Держись крепче, — сказал Мерлин, — и ради всего святого, не путайся под ногами.

Они все шли и шли через лес, головы у них немного кружились, оба внимательно смотрели под ноги, — не подается ли земля, — и часто останавливались, когда какой-нибудь колючий куст впивался ветвями в их плоть. Мерлин, в очередной раз зацепившись, чертыхался, а чертыхаясь, отчасти утрачивал концентрацию, и оба становились видимыми — смутно, словно осенняя дымка. При этом кролики, оказавшиеся от них с подветренной стороны, садились на задние лапки и восклицали: «Господи-Боже!».

— А дальше что? — спросил Варт.

— Значит так, — ответил Мерлин. — Перед нами Бурливые Воды. На том берегу ты видишь замок великана, нам придется туда переплыть. Ходить, будучи невидимкой, тяжело, а уж плавать в таком состоянии и вовсе невозможно, даже если упражняться годами. Вечно зарываешься носом в воду. Так что, пока мы будем переправляться, мне придется тебя отпустить. Постарайся как можно скорее найти меня на том берегу.

Варт вступил в теплую, освещенную звездами воду, струившуюся с мелодичностью, присущей только речке, в которой обитают лососи, и поплыл к противоположному берегу. Он плыл быстро, по-собачьи, забирая немного вниз по течению, и выбравшись из воды, вынужден был спуститься вдоль берега еще на четверть мили, прежде чем встретил мокрого Мерлина. Мерлин плыл брасом, демонстрируя изрядную точность неторопливых движений, и при этом глядел вперед, поверх рассекающей волну бороды, с отчасти озабоченным выражением плывущей за подбитой дичью собаки.

— Ладно, — сказал Мерлин, — беремся за руки и пойдем посмотрим, чем занят Галапас.

Невидимые, они пошли по травянистому лугу, отведенному, по всему судя, под парк, ибо несмот-

ря на столь позднее время, многочисленные садовники в железных ошейниках прокашивали, пропалывали и подметали траву. Это были рабы.

— Захочешь что-либо сказать, — распорядился Мерлин, — говори шепотом.

Они подошли к кирпичной стене с прибитыми к ней плодовыми деревьями, по которым им предстояло взбираться наверх. Способ для этого пришлось использовать необычный, — влезая друг другу на плечи, подавая сверху руку и так далее, и всякий раз, как Варт поневоле отрывался от волшебника, он становился видимым. Со стороны это походило на сильно мерцающую фильму раннего кинематографа или на картинки, показываемые волшебным фонарем, в который приходится вставлять одну пластинку за другой. Рабсадовник, на глаза которому попался этот участок стены, скорбно постучал себя по голове и уполз в кусты, где его стошнило.

— Чшш, — шепнул Мерлин, когда оба долезли до верха. Они глянули вниз и увидели великана собственной персоной, вкушавшего при свете свечей вечерний покой на зеленой лужайке.

— Так он совсем и не большой, — разочарованно прошептал Варт.

— Десять футов, — прошипел Мерлин, — для ве-

ликана он чрезвычайно высок. Я выбрал самого лучшего, какого знаю. Даже в Голиафе было всего-навсего шесть локтей с пядью, а это — девять футов четыре дюйма. Не нравится, иди домой.

— Прости. Я не хотел показаться неблагодарным, Мерлин, просто я думал, что в них росту футов шестьдесят или около того.

— Шестьдесят футов! — фыркнул некромант.

Великан услышал какие-то звуки, доносящиеся с верхушки стены, и посмотрел в их строну, заметив громыхающим басом:

— Ишь как нетопыри-то к ночи распищались!

Затем он налил себе очередной рог мадеры и залпом осушил его.

Мерлин понизил голос и пустился в объяснения:

— Люди находят зубы и кости существ, подобных твоему приятелю Атлантозавру, ну и начинают рассказывать байки про людей-великанов. Один отыскал как-то зуб весом в двести унций. Драконы, те действительно достигают крупных размеров, а великаны нет.

— Но разве человек не может вырасти очень большим?

— Я и сам не понимаю в чем тут дело, это как-то связано с составом костного вещества. Если бы

человек вырос до шестидесяти футов, он попросту переломал бы себе кости собственным весом. Самым высоким из великанов был Елеазар, так и в нем было росту одиннадцать с половиной футов.

— Да, — сказал Варт. — Должен признать, для меня это разочарование.

— То есть не то, что ты привел меня посмотреть на него, — поспешно прибавил он, — а что росту в них меньше, чем я полагал. Но если подумать, так и десять футов — тоже немало.

— Да он вдвое выше тебя, — сказал Мерлин. — Ты ему в аккурат до пупа достанешь, а он с легкостью забросит тебя на скирду такой высоты, что ты на нее и сноп-то еле-еле метнешь.

Они до того увлеклись разговором, что совсем перестали следить за своими голосами, заставив великана вылезти из покойного кресла. Он приблизился к ним с трехгалонной бутылью вина в руке и некоторое время усердно пялился на стену, на которой они сидели. Затем швырнул в стену бутылью, ударившей чуть левее них, сердито сказал: «Чертовы совы!» и, тяжело ступая, потащился в замок.

— За ним! — торопливо воскликнул Мерлин.

Кое-как спустившись со стены, они схватились за руки и бегом проскользнули за великаном в

садовую калитку.

Помещения, располагавшиеся в начале уходящей вниз лестницы, еще свидетельствовали о некоторой цивилизованности, — за обитыми зеленым сукном дверьми виднелись камердинеры и лакеи (правда, с железными обручами на шеях), начищавшие столовое серебро и допивавшие что осталось в графинах. Ниже располагались кладовые, заставленные крепкими древними ларями, в которых хранились разнообразные золотые блюда, кубки и иные призы, завоеванные великаном на турнирах и скачках. Еще ниже стояли в мрачных комнатушках затянутые паутиной клетки для винных бутылок, и безотрадной наружности крысы задумчиво взирали на бестелесные следы, возникающие в пыли, и несколько человеческих тел свисало с крюков в шкафах для дичи, дозревая до съедобного состояния. Все это походило на Комнату Ужасов (вход только для взрослых) в музее мадам Тюссо.

В самом низу замка размещалась подземная тюрьма. Меловые стены ее сочились жирной на ощупь влагой, и разного рода душещипательные надписи и рисунки были нацарапаны на камнях. «Молитесь за несчастную Присциллу», — гласила первая надпись, а вторая сообщала: «Ах, если б я

честно заплатил собачий налог, не попал бы я в такую беду». Далее был нарисован человек, болтающийся на виселице, растопырив, наподобие чучела Гая Фокса, руки и ноги, а за ним — черт с рогами. Пятой по порядку шла надпись, вырезанная в камне: «Ночное солнце в два тридцать», шестая надпись удивлялась: «Да неужели?», а седьмая восклицала: «Увы мне, вечно я забывал покормить мою бедную канарейку: ныне и меня ожидает столь же страшная участь». Имелось также полузатертая кляуза: «Старый скот Галапас любит мадам Мим, грязную собаку», и кто-то еще приписал: «Покайтеся и спасетесь, ибо близится Царство Диаволово». Были тут и разного рода поцелуйчики, даты, набожные восклицания и присловия вроде «Не потратишься, не спохватишься» и «Спокойной ночи, милые дамы», а также сердца, пробитые стрелами, черепа с перекрещенными костями, свиньи с закрытыми глазами и трогательные послания вроде: «Не забудь в половине первого вынуть картошку из плиты», «Ключ под геранью», «Отомстите вонючему Галапасу, предательски меня погубившему» или просто: «Индейский мед для тех, кому на пустой желудок не спится». Мрачноватое было место.

— Ха! — вскричал Галапас, останавливаясь у одной из камер. — Так надумал ты вернуть мне мой патентованный непробиваемый шлем или же изготовить новый?

— Ничего он не твой, — отвечал слабый голос. — Я его изобрел, я запатентовал, так что иди, заливай кому-нибудь другому, скотина.

— Назавтра без обеда, — сказал жестокий Галапас и подошел к следующей камере.

— Ну, так как же насчет кампании в прессе? — спросил великан. — Собираешься ты, наконец, написать, что Царица Савская совершила на меня неспровоцированное нападение, а я в порядке самообороны захватил ее земли?

— Нет, не собираюсь, — ответил томящийся в камере журналист.

— Утром отведаешь резиновых палок, — сказал Галапас.

— Куда ты подевал мой эластичный корсет? — загрохотал великан у третьей камеры.

— Не скажу, — ответила камера.

— Не скажешь, — объявил Галапас, — пятки подпалю.

— Пали сколько влезет.

— Э-э, ну брось, слушай, — взмолился великан. — Не могу я без корсета, у меня живот

отвисает. Ну, скажи, а я тебя за это в генералы произведу, — меховую шапку наденешь, в Польшу поедешь охотиться. Или хочешь, ручного льва тебе подарю, или бороду, как на театре, и полетишь ты с Армадой в Америку. А хочешь, — женись на любой из моих дочерей.

— По-моему, все твои предложения дурно пахнут, — ответила камера. — Ты бы лучше предал меня открытому суду за подрывную пропаганду.

— Ты просто-напросто подлый, мерзкий ворюга, — сказал великан и отошел к следующей камере.

— Ну а ты, — сказал, обращаясь к ней, Галапас, — что ты скажешь насчет выкупа, грязная английская свинья?

— Я не свинья, — ответила камера, — и не грязная. Во всяком случае, не был грязным, пока не свалился в твою подлую западню. Теперь у меня, конечно, вся спина в сосновых иголках. Что ты сделал с моей зубной щеткой, великан, и куда подевал мою ищейную суку, что?

— Думать мне больше не о чем, как о твоих щетках и суках, — взревел Галапас. — Я тебя о выкупе спрашиваю, идиот, или ты до того закоснел в британской тупости, что совсем уже ничего не понимаешь?

— Я желаю почистить зубы, — упрямо ответил Король Пеллинор. — А то у меня в них возникает какое-то странное чувство, если ты понимаешь, что я имею в виду, и мне от него становится не по себе.

— Uomo bestiale, — вскричал великан. — А иных чувств, поизящнее, нет у тебя?

— Нет, — сказал Король Пеллинор, — по-моему, нет. Я хочу почистить зубы, и потом у меня ноги сводит от того, что я все время сижу на этих нарах, или как они у тебя называются.

— От пьянства ты что-ли отупел до полного невероятия? — взвился владелец замка. — Что ты сделал со своей душой, лавочник? Ты способен думать о чем-нибудь, кроме зубов?

— Я много о чем думаю, старичок, — ответил Король Пеллинор. — Я вот думаю, например, как приятно было бы съесть яичко всмятку, что?

— Так не получишь же ты никаких яичек и будешь сидеть здесь, пока не заплатишь выкупа. Как я по-твоему буду вести мой бизнес, если мне выкупов не станут платить? Что будет с моими концентрационными лагерями, с похоронными венками по тысяче долларов штука? Думаешь, мне все это даром дается? Да одному только Королю Гуитно Гаранхиру мне пришлось отослать

венок в виде Валлийской Арфы в сорок футов длиной, сделанной из одних орхидей. А надпись на нем была такая: «Сладкоголосые Ангелы Провожают Тебя В Обитель Твоего Покоя».

— А что, очень хороший венок, — одобрительно сказал Король Пеллинор. — Но нельзя ли мне все же получить назад мою зубную щетку, что? Нет, право же, черт подери, не столь уж многого я и прошу, в сравненьи с таким венком. Или все-таки многого?

— Недоумок! — рявкнул великан и отошел к следующей камере.

— Мы должны спасти его, — зашептал Варт. — Это же бедный старый Король Пеллинор, он, наверное, гнал Искомого Зверя и свалился в одну из ловушек, о которых ты мне говорил.

— Вот и пусть посидит, — сказал Мерлин. — Если человек настолько глуп, что не может держаться подальше от лап великана, то о нем и печалиться нечего.

— Может быть, он о чем-то задумался, — прошептал Варт.

— А не надо было задумываться, — прошипел волшебник. — Великаны, вроде этого, в конечном итоге совершенно безвредны, — прояви к такому немного участия, верни ему, скажем, корсет, и он

сидит себе тихо, никого не трогает. Это любому известно. А раз уж он впутался в неприятности с Галапасом, пусть сам и выпутывается. Пускай выкуп платит.

— Я точно знаю, — сказал Варт, — что у него нет ни гроша. Он даже перину себе не может купить.

— Тогда вел бы себя повежливее, — неуверенно огрызнулся Мерлин.

— Так он же старается, — сказал Варт, — он просто мало чего понимает. Ох, ну пожалуйста, Король Пеллинор — мой друг, не могу я видеть, как он сидит в этой страшной камере, и никто ему не желает помочь.

— Да что мы сделать-то можем? — сердито воскликнул Мерлин. — Камеры же заперты накрепко.

Сделать они и впрямь ничего не могли, но кричать так громко волшебнику все же не стоило, потому что крик этот навлек на них беду. Забыв о том, что самое правильное для невидимки — это помалкивать, Мерлин своими несдержанными речами сообщил их экспедиции опасный характер.

— Кто здесь? — взвизгнул, повернувшись спиной к пятой камере, Галапас.

— Никого, — выкрикнул Мерлин, — мышка.

Великан Галапас выхватил могучий меч, обернулся и оглядел коридор, освещая его факелом, который он поднял над головой.

— Чушь, — заявил он. — Мыши человеческим голосом не разговаривают.

— Пии, — произнес Мерлин, надеясь сойти за мышь.

— Обдурить меня хочешь, — сказал Галапас, — не выйдет. Вот я тебе сейчас как врежу моим сверкающим клинком и посмотрим, мышка ты или не мышка.

Он двинулся в их сторону, держа перед собой отливающее синим лезвие, и заплывшие жиром глаза его казались в свете факела безжалостными и по-поросячьи маленькими. Нетрудно вообразить, насколько это приятно, когда человек, весящий тридцать пять стоунов, пытается обнаружить тебя в узком проходе, держа в руке меч в твой рост длиною, и намереваясь проткнуть им твою печень.

— Не дури, — сказал Мерлин. — Это всего только мышка, ну, может быть, две. Мог бы и сам догадаться.

— Это не мышка, — сказал Галапас, — это невидимый волшебник. А невидимых волшебников я привык на части резать, понятно? Я их рву на

куски, ты понял? чтобы невидимые кишки их вываливались на землю. Ну, где ты есть, волшебник? Иди сюда, я тебя зарежу, моргнуть не успеешь.

— Мы сзади тебя, — испуганно сказал Мерлин. — Оглянись, мы в дальнем углу у тебя за спиной.

— Ага, — мрачно произнес Галапас. — Вы сзади, а голоса у вас спереди.

— Держись, — крикнул Мерлин, но Варт с перепугу уже выпустил его руку.

— А теперь — видимый волшебник, — сообщил великан. — Только маленький. Посмотрим, возьмет его меч — не возьмет?

— Да держись же ты, идиот, — отчаянно завопил Мерлин, и после недолгой бестолковой возни они снова схватили друг друга за руки.

— Опять пропал, — сказал Галапас и, взмахнув мечом, рубанул по тому месту, где они только что стояли. Меч высек из камня синие искры.

Мерлин прижал незримый рот к незримому уху Варта и зашептал:

— Ложись ничком на пол. Прижмемся к противоположным стенам, может, он мимо проскочит.

Проскочить-то он проскочил, но Варт, уползая по полу, снова оторвался от своего защитника. Он

наугад шарил вокруг, пытаясь найти Мерлина, и разумеется, опять стал видимым, как всякий другой человек.

— Ха! — воскликнул Галапас. — Все тот же маленький и такой же видимый.

Он пырнул в темноту мечом, но Мерлин успел вцепиться в руку своего ученика и буквально сорвать его с опасного места.

— Удивительный тип, — сказал великан. — Пожалуй, самое верное, это прочирикать мечом весь пол.

— Это, знаете, точь в точь как капусту шинкуют, — прибавил великан, — или чего другое режут, меленько-меленько.

Мерлин с Вартом, держась за руки, скорчились в самом дальнем углу коридора, а страшный великан Галапас приближался к ним, смеясь громовым смехом, исходящим из глубин его чрева, и простукивая мечом каждый дюйм пола. Клик, клик, звякал по грубому камню острый, как бритва, клинок, — ясно было, что никакой надежды на спасение у них не осталось. Теперь великан оказался в их прежнем тылу, отрезав путь к отступлению.

— Прощай, — прошептал Варт, — а все-таки дело того стоило.

— Прощай, — сказал Мерлин, — хотя по-моему — не стоило ни капли.

— Вот и правильно, попрощайтесь, — ощерился великан, — ибо вскорости мой секач распорет вас по всем швам.

— Друзья мои, — закричал из своей камеры Король Пеллинор, — не говорите «прощай», не надо. Мне кажется, я слышу, как к нам приближается некто, и пока есть жизнь, есть надежда.

— Точно, — крикнул, также приходя им на помощь, лишенный свободы изобретатель и слабыми руками потряс прутья своей камеры. — Оставь этих людей в покое, ты, великан хрипатый, или не видать тебе непробиваемого шлема как своих ушей.

— А про корсет забыл? — изо всей мочи крикнула следующая камера, пытаясь отвлечь внимание великана. — Толстопузый!

— Я не толстый! — заорал Галапас, останавливаясь в самой середине коридора.

— Еще какой толстый, — ответила камера. — Пузан!

— Пузан! — заорали все узники разом. — Жирный старый Галапас!

— Жирный старый Галапас плачет, мамочку зовет,

У него корсет пропал, пузо по полу метет!

— Ну хорошо же, — сказал великан, физиономия которого приобрела замечательный синий оттенок. — Хорошо, красавчики мои. Дайте мне только прикончить эту парочку, и вы у меня все отведаете палок на ужин.

— Сам съешь, — ответили узники. — А этих двоих оставь в покое.

— Палок вам, — это было все, что сумел ответить великан, — палок и по малой порции тисочков для пальцев, на закуску. Ладно, на чем мы остановились?

Откуда-то издалека донесся гомон, словно бы даже лай, и Король Пеллинор, все это время прислушивавшийся у зарешеченного окошка, принялся вдруг скакать и прыгать.

— Вот оно! — завопил он в восторге. — Вот!

— Что за «оно»? — спросили все.

— Она! — объяснил Король. — Она, сама!

Пока Пеллинор давал эти пояснения, шум приблизился и теперь, усилясь, слышался уже из-под двери подземной тюрьмы, прямо за спиной великана. За дверью определенно бесновалась собачья свора.

— Гав! — рявкнула дверь, отчего великан и все

прочие ошеломленно застыли.

— Гав! — рявкнула дверь еще раз, и петли ее затрещали.

— Гав! — в третий раз рявкнула дверь и слетела с петель.

— О-о-ой! — завопил великан Галапас, когда дверь с жутким грохотом рухнула на каменные плиты, и в коридор ворвался Бет Глатисант.

— Оставь меня, ужасная тварь! — возопил великан, когда Искомый Зверь вцепился зубами в седалище его штанов.

— На помощь, на помощь! — завывал великан, пока чудище гнало его сквозь разломанную дверь.

— Добрая старая Зверюга! — голосил из-за решетки Король Пеллинор. — Нет, вы посмотрите на нее, я вас умоляю! Добрая старая Зверюга! Улю-лю-лю! Возьми его, старушка, возьми! Тащи его сюда, ну, ну, тащи его! Ах ты, умница моя! Сюда тащи, сюда!

— Дохлого, дохлого, — несколько преждевременно прибавил Король Пеллинор. — Дохлого тащи, ну, ну, тащи дохлого! Гони! Гони! Улю-лю-лю! Ну что вы скажете, а? Сама за дичью ходит, никто не учил!

— Р-р-гау! — заходился вдали Искомый Зверь. —

Р-р-гау! Р-р-гау!

И все ясно услышали, как великан Галапас кругами скачет по винтовой лестнице самой высокой башни своего замка.

Мерлин с Вартом, воспользовавшись ключами, которые обронил великан, поспешно отомкнули двери всех камер, — впрочем, не оброни он ключей, Зверь, без сомнения, разломал бы и их тоже, — и несчастные узники, помаргивая, выползли под свет горящего факела. Были они тощие, бледные, будто поганки, но дух их остался несломленным.

— Ну и ну, — говорили они. — Ничего себе вышла штука.

— Кончились наши тисочки на ужин.

— Ни тебе больше подземных тюрем, ни вони, — сказал изобретатель. — И на жестких нарах больше не придется сидеть.

— Интересно, куда он все-таки подевал мою зубную щетку?

— Отличное у вас животное, Пеллинор. Мы все обязаны ему жизнью.

— Трижды ура Глатисанту!

— Еще ищейка где-то тут должна быть.

— Да бросьте вы, дружище. Ну, почистите вы свои зубы в другой раз, найдете себе палочку или

еще что, дайте только выбраться отсюда. Сейчас главное — освободить всех рабов и удрать, пока Зверь не выпустил его из башни.

— И кстати, не мешало бы прихватить по дороге несколько кубков.

— Господи, я бы не возражал, если бы мне предложили сейчас посидеть у доброго огня. Это местечко наградило-таки меня ревматизмом.

— А давайте спалим все его палки и напишем на стенах, что мы о нем думаем.

— Старый добрый Глатисант!

— Трижды ура Пеллинору!

— Трижды ура всем остальным!

— Ура! Ура! Ура!

Оставаясь незримыми, Мерлин и Варт тихо покинули празднество. Они покинули рабов, толпившихся снаружи замка, — Король Пеллинор снимал с их шей железные обручи, присовокупляя несколько уместных слов, как если бы он раздавал награды на выпускном вечере. Глатисант еще продолжал бесчинствовать у дверей главной башни, голося, как тридцать пар гончих псов, а Галапас, завалив дверь всей мебелью, какую нашел, торчал теперь в башенном окне и орал, требуя срочно вызвать пожарных. Заключенный из камеры N 3 деловито собирал в

великановой кладовке Золотые Кубки «Аскота» и иные призы, а газетчик от души веселился, разжигая праздничный костер из палок, тисочков для пальцев и всего остального, хотя бы отдаленно напоминавшего орудия пытки. Изобретатель, вооружась молотком и зубилом, выбивал на стенах опустевшего теперь коридора оскорбительную надпись: «Накося, выкуси, Галапас!». Огонь костра, крики «ура» и ободряющие замечания Короля Пеллинора, наподобие: «Никогда англичане не будут рабами» или «Надеюсь, вы не забудете урока, который получили, когда были здесь вместе с нами», или «Всегда буду рад услышать о любом из Старых Рабов, — узнать, как у них жизнь дальше сложилась», или «Постарайтесь взять себе за правило дважды в день чистить зубы», — все это вместе создавало волнующую атмосферу прощального праздника, покидать который невидимым гостям совсем не хотелось, но — «Время дорого», — сказал Мерлин, и они поспешили к Бурливым Водам.

Если принять во внимание все с ними случившееся, что-то и вправду странное было во Времени, равно как и в его дороговизне, ибо, когда Варт снова открыл в башенном покое глаза, Кэй все еще продолжал щелкать шахматными

фигурами, а сэр Эктор по-прежнему смотрел в огонь.

— Ну хорошо, — сказал сэр Эктор, — и что же изображает собой этот ваш великан?

Мерлин поднял глаза от вязания, а Варт в испуге открыл рот, собираясь ответить, однако вопрос был обращен к викарию.

Преподобный Сайдботем закрыл книгу, повествующую о Палласе, сыне Эвандера, испуганно вытаращил глаза, зажал в кулаке жидкую бороду, набрал в грудь воздуху, закрыл глаза и выпалил:

— Великан, возлюбленные чада мои, это Адам, коего Бог создал без всяческой порчи. Рана же, от которой он умер, есть нарушение божественной заповеди.

Сообщив это, он с шумом выпустил воздух, бороду оставил в покое и с торжеством посмотрел на Мерлина.

— Очень неплохо, — сказал Мерлин. — Особенно насчет отсутствия всяческой порчи. Ну, а как же свеча с иглой?

Викарий снова зажмурился, как бы от сильной боли, и все затихли, ожидая истолкования.

После нескольких минут ожидания Варт сказал:

— Если бы я был рыцарем в доспехах и по-

встречал великана, я отсек бы ему мечом ноги по самые колена и сказал: «При таком твоем росте с тобою проще иметь дело, нежели прежде», а потом снес бы ему и голову тоже.

— Чшш, — сказал сэр Эктор. — И думать об этом забудь.

— Свеча, — несмело промолвил викарий, — это вечное пламя, томящее грешника, а погашено оно посредством иглы, каковая есть страсти Христовы.

— Нет, право же, очень неплохо, — сказал Мерлин и хлопнул викария по спине.

Весело горел огонь, словно костер, вокруг которого плясали рабы, и одна из собак вдруг заворчала во сне: «Р-р-гау, р-ргау», — и звук был такой, словно свора в тридцать пар псов гонит зверя где-то вдали, далеко-далеко, за освещенными ночью лесами.